

Д.С. Артамонов*, В.Н. Украинский**

Проблема смертной казни в истории правовой мысли Древнего мира

По поводу смертной казни в мире ведется активная дискуссия, иногда переходящая по накалу разумные пределы и влияющая не только на внутригосударственные процессы, но и на международные отношения. Для анализа этой проблемы попытаемся определить критерии оценок данного явления в правовой теории. Прежде всего это цель, которую должно ставить перед собой государство, применяющее смертную казнь. Далее, это методы реализации смертных приговоров. И, наконец, это побочные задачи, решаемые с помощью смертной казни. Кроме того, необходимо решить проблему соотношения законности, этичности и целесообразности подобных явлений.

Вполне возможно предположить, что институт смертной казни возник из обычая кровной мести. В архаических обществах понятие преступление четко не дифференцировалось. В отсутствие определенного закона преступлением считалось любое отклонение от должного поведения. Причем должным было не только следование обычаям, как более или менее часто повторяющимся событиям, а неким общепринятым в родовом обществе моральным принципам. Поэтому самым распространенным видом наказания практиковалось изгнание провинившегося за пределы местообита-

* Доцент кафедры истории и философии Саратовского юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

** Доцент кафедры истории и философии Саратовского юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

ния племени. Сообщество людей тем самым показывало богам, которым поклонялось, что не желает более терпеть рядом с собой человека, нарушившего привычные нормы и являющегося угрозой порядку. Мифологическое сознание не вычленяло человека из коллектива, поэтому преступление одного могло навлечь гнев божества на всех.

В родовом обществе преступление, совершенное против отдельного человека, являлось преступлением против всего рода. Причем существовало представление о соразмерности наказания преступлению, которое ярче всего было выражено в принципе талиона. Поэтому убийство человека неминуемо влекло за собой месть убийце со стороны членов рода убитого. Следует отметить, что отомстить нужно было только совершившему преступление, а не членам его рода, иначе процедура «возмещения ущерба» могла привести к тотальному истреблению враждующими кланами друг друга.

Обычай кровной мести отражает представления о страхе перед возмездием богов, которое неминуемо последует, если люди не очистят себя и не загладят преступления, истребив преступника. Причем важно, чтобы наказание свершилось вне территории проживания сообщества. Совершивший убийство изгонялся членами своего рода, которые боялись навлечь на себя гнев богов, но в то же время не могли покарать нарушителя, так как он был их родственником. Мстить должны были люди из рода убитого, но и для них убийство считалось делом греховным, но необходимым. В законах Афин, установленных Драконом в 409–408 гг. до н. э., указывалось, что «если кто-нибудь убьет человекоубийцу или будет причиной убийства, он должен быть лишен права появляться на пограничной площади и участвовать в состязаниях и святынях амфикионических как убивший афинянина...». И наоборот, разрешалось «убивать и арестовывать человекоубийц на их собственной земле» и это не должно было «налагать скверны и требовать искупления»¹. Территория человеческого жилища воспринималась как особое магическое пространство, где установлено шаткое равновесие во взаимоотношениях, с одной стороны, людей между собой, с другой — людей и богов, а также своего рода баланс между людьми и силами природы.

Любое преступление, а особенно убийство, нарушало его и оскверняло пространство. Следовательно, божественный гнев должен был пасть на головы всех, кто проживал на территории, где произошло преступление независимо от причастности каждого конкретного индивида к данному делу. Это приводило к коллективной ответственности сообщества за каждого из своих членов. Известно, например, что в законодательстве китайского государства Цинь были собраны все законы о совместной ответственности, и законодатель Шан Ян расширил перечень преступлений, караемых смертью².

Преступление в архаическом обществе было делом чрезвычайным, так как нарушало привычные формы сосуществования людей и богов. Вследствие этого практически за все виды нарушений устанавливался один вид наказаний — смерть. К примеру, Плутарх сообщал, что афинский законодатель Солон «прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов

¹ Хрестоматия по истории Древнего мира / Под ред. В.Г. Боруховича, В.И. Кузищина. Саратов, 1989. С. 125.

² См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока: В 2 ч. / Под ред. М.А. Коростовлева. М., 1980. Ч. 2. С. 189.

об убийствах; он сделал это ввиду жестокости и строгости наказаний: почти за все преступления было назначено одно наказание – смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни, и укравшие овощи или плоды несли тоже наказание, как святотатцы и человекоубийцы. Поэтому впоследствии славилось выражение ..., что Драконт написал свои законы кровью, а не черной краской. Когда Драконта спросили, почему он за большую часть преступлений назначил смертную казнь, он, как говорят, отвечал, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают этого наказания, а для крупных он не нашел большего»³.

Поэтому в архаичном судопроизводстве главными участниками были не преступник и судья (вождь, совет старейшин), а – нарушитель норм, общество (род, племя) и божество. Вследствие этого наказание злоумышленника приобретало вид ритуального жертвоприношения богам, и служило своего рода искупительной жертвой, регламентированной сакральными законами. Так, согласно Плутарху, первые законы Рима, данные Ромулом, устанавливали, что «продавший жену должен быть принесен в жертву подземным богам»⁴.

Само установление законов также непосредственно связывалось с богами подземного царства, с которыми вполне естественно ассоциировалась смерть, погребальные обряды и казнь.

В то же время соблюдение закона являлось непременным условием исполнения божественных предначертаний, поэтому очень часто к исполнению наказаний был причастен жрец. Так, в законах Ассирии XV–XIV вв. до н. э. было определено, что «при всех наказаниях – будь то вырывание, будь то отрезание у жены человека, – ... пусть узнает и придет жрец»⁵. По всей видимости, наказание женщины, за какой-либо проступок, осуществлялось ее мужем, но в присутствии жреца и судей, что также специально оговаривалось. Муж мог отрезать жене уши, выщипать волосы, бить по ушам, прокалывать их и т.п.

В законах Хеттского царства также встречается упоминание о причастности жреца к процессу судопроизводства. Согласно одной из статей человек, который «совершит грех с лошадью или с мулом», не подвергался наказанию, и жрец не должен был его принимать. В случаях же, где человек согрешил с каким-либо другим животным (не мулом или лошадью) или вступал в незаконную половую связь с женщиной, за это «тягостное преступление» он подвергался смертной казни и, вероятно, должен был предстать сначала перед жрецом.

По законам Ману царь в случаях, если какое-либо преступление определено не прописано, должен был налагать наказание только после того, как посоветуется с брахманами, исполнявшими в индийском обществе жреческие функции. В этих законах к великим грехам-преступлениям были отнесены: убийство брахмана, пьянство, прелюбодеяние, кража, сообщество с грешником. Несмотря на столь различные деяния с юридической точки зрения, мифологическим сознанием они оценивались как однопорядковые явления, ведь они влекли за собой ритуальную нечистоту виновного и необходимость тяжкого искупления. Но все-таки наиболее ужасным преступлением было убийство брахмана, за которое полагалась

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 81.

⁴ Плутарх. Указ. соч. С. 22.

⁵ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 55.

неминуемая смерть. Один из законов Ману гласил: «На земле нет поступка, более несоответствующего дхарме, чем убийство брахмана, поэтому царю не следует даже помышлять о его убийстве»⁶. Это и другие постановления запрещали царю даже в случае виновности брахмана в тяжком преступлении лишать его жизни.

Автор древнеиндийского трактата «Артхашастра» брахман Каутилья, описывая в своем произведении различные способы наказания, утверждал, что «убийца матери, отца, сына, брата, учителя или аскета должен быть казнен путем сожжения головы, с которой предварительно содрана кожа. Если указанным лицам наносятся словесные оскорбления, то за это отрезается язык. Если же им причиняются увечья, то причинивший лишается того члена тела, который он изувечил»⁷. Учитель и аскет, а также близкие родственники — все это фигуры, выступающие как священные высшие ценности в индийском обществе, поэтому тот, кто поднимает на них руку, заслуживает самого сурового наказания. По иудейским законам того, кто ударит своего отца или свою мать следовало предать смерти⁸.

Телесные наказания также связывалось с обрядом жертвоприношений и являлись своеобразной заменой смертной казни, так как часть тела жертвы иногда могла заменить ее целиком. К примеру, «у никобарцев можно было видеть погребальное жертвоприношение, в котором сустав пальца служит заменой целого человека. Они хоронят с умершим все его имущество и отрезают у его жены сустав одного пальца (очевидно, взамен ее самой)»⁹.

То же самое касается обрядов символического проливания крови, которые заменяли собой настоящее заклание. Как указывал Э. Тайлор, «жрецы в Киломбо лишь помечали копьями приносимых им детей, вместо того, чтобы пронзать их. Точно так же в Греции ... обычай человеческих жертвоприношений уступил место обряду проливания нескольких капель крови. И в наше время между поклонниками Вишну существует еще убеждение, что человек, убивший нечаянно обезьяну или очковую змею, может искупить свою вину только человеческой жертвой. В силу этого избранный в жертву человек, у которого делают надрез на бедре, притворяется умершим и затем притворно воскресает, а вытекшая из раны кровь считается жертвой, заменяющей его жизнь»¹⁰.

Жестокость телесных наказаний преступников, можно даже сказать пыток, носила ритуальный характер и исходила во многом от обрядов человеческих жертвоприношений. Очень часто в древних обществах в качестве необходимой человеческой жертвы богам выступали преступники, так как за жизнь, находящуюся в опасности, можно было приносить и чью-либо другую жизнь, менее ценную. Греки, например, находили достаточным приносить в жертву богам преступников или пленных, а в Риме приговоренных к смерти сбрасывали с Тарпейской скалы. В хеттских законах имеется упоминание о древнем религиозном обряде почитания колеса, перед которым должны были во время суда предстать на коленях пригово-

⁶ Законы Ману. М., 1960. С. 55.

⁷ Артхашастра, или наука политики. М., 1993. С. 87.

⁸ См.: Ветхий завет. Вторая книга Моисея. Исход. Гл. 21. Ст. 15.

⁹ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 479.

¹⁰ Там же. С. 480.

ренные к смерти, что непосредственно свидетельствует о связи смертной казни с религиозным ритуалом¹¹.

Государственная власть в древних обществах была самым непосредственным образом связана с религиозными практиками. Государство же в лице персонифицированного царя, устанавливая и охраняя законы, имеющие божественное происхождение, утверждалось как само божество или, по крайней мере, как наместник бога. В законах Ману это прописывалось достаточно ясно, в них говорилось: «Даже если царь — ребенок, он не должен быть презираем думающими, что он только человек, так как он — великое божество с телом человека»¹².

Определяя себя как божество, царская власть неизбежно стремилась присвоить себе и ряд жреческих функций. Исполнение религиозных обрядов, имеющих публичный характер, царями известно повсеместно¹³. Это давало возможность укрепить свою власть и влиять на многие общественные процессы. Цари очень часто сами приносили жертвоприношения и регулировали принесение человеческих жертв, а так как главным делом государства был все-таки контроль над соблюдением законов, смертная казнь, понимаемая как вид религиозного ритуала, стала инструментом воздействия на общество.

Вследствие этого по мере усиления государственных институтов власти процесс судопроизводства несколько поменял свой символический смысл. Теперь место общества в судебном процессе заняло государство, осуждающее именем бога и защищающее установленный богами закон. И таким образом, преступление совершалось не против какой-либо отдельной личности, так как она еще не выделялась из коллектива, и даже не против самого коллектива, общества, а было направлено против государства. Государство устанавливало законы именем бога, и преступник, нарушавший их, преступал, прежде всего, заповеди бога, но ответ держал перед властью, так как она позиционировала себя как защитница справедливости и гарант правосудия в обществе.

Именно поэтому в древних законодательных актах, наряду с установлением смертной казни за убийство, прелюбодеяние и воровство, самые жестокие наказания связаны с нарушением божественных запретов, клятв и лжесвидетельством. Более того, если еще за убийство человека и другие преступления можно было откупиться (заплатить виру, штраф), то за преступления против богов полагалась только смертная казнь. Так, в первой статье законов вавилонского царя Хаммурапи говорилось, что «если человек клятвенно обвинил человека, бросив на него обвинение в убийстве, но не доказал его, то обвинитель его должен быть убит»¹⁴. Традиционный комментарий этой статьи определяет ее как своеобразное применение принципа талиона (принципа равного воздаяния). В случае, если бы обвинение подтвердилось, убийцу ожидала бы, очевидно, смертная казнь; таким образом, ложное обвинение в убийстве в самом деле было эквивалентно покушению на убийство самого обвиняемого и, соответственно, каралось смертью обвинителя. Не ставя под сомнение это определение, можно все-таки добавить, что клятва всегда была сопряжена с именем

¹¹ См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. С. 289–290.

¹² Законы Ману. С. 28.

¹³ См.: Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 19.

¹⁴ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. С. 153.

бога или царя, и «таким образом, нарушивший клятву обманывал самого бога. Подобные примеры можно встретить в законодательных памятниках древности достаточно часто. Так, и по римским законам XII таблиц «уличенный в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы»¹⁵.

Законы Вавилона также жестко защищали и сугубо мирские интересы бога на земле. В другой статье тех же законов Хаммурапи постулировалось, «если человек украл имущество бога или дворца, то этот человек должен быть убит; а также тот, который принял из его рук краденое, должен быть убит»¹⁶. Причем это не касалось хозяйственных предметов или животных, в статье 6 говорилось скорее всего о сакральных предметах, так как следующая статья разрешала за кражу хозяйственных вещей, принадлежащих храму, заплатить компенсацию в тридцатикратном размере.

Ассирийские законы также жестоко карали за воровство из храма, причем специально оговаривалось, что при доказательстве вины подсудимой (в законе рассматривался случай, где вор женщина) нужно «вопросить божество, что оно повелит ей сделать, так с ней и должно поступить»¹⁷, повеление богов, естественно, должны были озвучить жрецы или судьи, и стоит ли сомневаться здесь в вынесении смертного приговора.

Государство на определенном этапе одновременно с присвоением права применять смертную казнь в качестве высшей меры наказания взяло на себя право помилования. Согласно законам царства Хеттов, царь мог даровать жизнь тем, кого следовало бы убить, причем сам преступник не должен был об этом просить¹⁸. Тем самым государство присваивало себе прерогативу бога, так как только он мог избавить человека от наказания, если тот пройдет божественные испытания (ордалии), доказывающие его невиновность или благоволение к нему высших сил¹⁹.

Царская власть ставила себя выше жречества, что также в большинстве случаев находит отражение в законодательстве. К примеру, в индийском законодательном тексте Нарада-смирита указывалось, что «злодея, который ударит царя, даже совершившего грех, следует зажарить на вертеле, ибо он хуже убийцы сотни брахманов»²⁰.

Таким образом, можно констатировать, что закрепление института смертной казни было вполне закономерным процессом и имело под собой религиозную основу. Именно поэтому в древнем мире с возникновением правовой теории казнь смертью поначалу воспринималась как часть естественных процессов и специальному анализу не подвергалась.

С другой стороны, существовала масса теоретиков, отрицавших естественное насилие, равно как и насилие в государстве. Например, Лао Цзы в «Дао де Дзин» так выражает свое отношение к нему: «Того, кто

¹⁵ Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 12.

¹⁶ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 288–290.

¹⁹ Человек мог непосредственно обратиться к божеству, ища у него защиту, правда, зачастую божество вело себя не предсказуемо для преступника и могло выдать его на расправу. Так, иудейский Бог разрешал, «если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть» (См.: Ветхий завет. Вторая книга Моисея. Исход. Гл. 21. Ст. 14).

²⁰ Антология мировой правовой мысли. С. 421.

рад убийству, станут ли уважать в стране? Уважение порождает благодеяние, насилие приносит беду»²¹. Конфуций продолжает эту линию: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклониться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится». Однако он признает возможность наказания смертью, если оно соответствует ритуалу: «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. Путь древних правителей был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали в соответствии с ритуалом. Совершать то, что нельзя делать, и при этом в интересах согласия стремиться к нему, не прибегая к ритуалу для ограничения этого поступка, — так поступать нельзя»²².

Позже подобные рекомендации пересматриваются. С пропагандой усиления роли законов в жизни общества и государства отношение к смертной казни меняется. Это заметно уже у Мо Цзы, но полноценный вид приобретает в творчестве легистов. Здесь проблема смертной казни исследуется с позиций рационализма, и теория приобретает аналитический вид. Цель смертной казни в легизме это, прежде всего, — устрашение. Посредством смертной казни происходит самоутверждение власти и созданных ей правил поведения. Таким образом, данное наказание не просто способствует улучшению состояния правопорядка в стране, но и укрепляет государство. Поэтому легисты проповедают ее как основу системы наказаний. Из этой цели вырастают принципы и методы наказаний — коллективная ответственность, показательность и превентивность. Чем более жестокой и изощренной будет форма смертной казни, тем эффективней будет достигаться цель. Так, Шан Ян увеличил количество телесных наказаний, а также ввел такие наказания, как продалбливание темени, выламывание бедер, варка в большом котле²³.

Вместе с тем решаются и иные задачи: воспитывается развитое правосознание населения (через законобоязнь), из общества устраняются реальные и потенциальные криминальные элементы, создается развитая система контроля над населением и др. В отличие от конфуцианства, ставящего на первый план этичность действий власти, легизм отдает приоритет законности и целесообразности. Более того, в позднем легизме целесообразность (на основе закона) становится основным принципом.

Это ярко проявляется, например, в принципе искусства управления Хань Фэя, который утверждал, что «применяющий тяжелые наказания делает это не ради данного преступника. Решения закона в применении его разумным государем касаются разбойника, но не казнимого. <...> Казнь разбойников, он не расправляется с тем, кого казнит. <...> Казнь разбойника имеет в виду исправление других. Поэтому я и говорю: строгое наказание за один дурной поступок прекращает всю ложь в пределах государства; этим и создается порядок»²⁴.

²¹ Лао Цзы. Дао Де Дзин / Пер. с китай. Ян Хин-Шуна. М., 2005 С. 12.

²² Конфуций. Лунь юй // Древнекитайская философия: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 143.

²³ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. С. 189.

²⁴ Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа Хань Фей-цзы. СПб., 1912. С. 550.

В Индии борьба сторонников и противников смертной казни как вида наказания так же была довольно острой. Одним из наиболее ярких ее сторонников был Каутилья. Его идеи были во многом схожи с легистскими, особенно в отношении целей и задач. В «Артхашастре» явно доминирует принцип полезности, и если смертная казнь, по мнению правителя, будет в чем-то полезной для государства и правопорядка, она не только может, но и должна применяться, даже если идет вразрез с этикой и требованиями дхарм. Однако методы и принципы наказания несколько отличались. Наказание было персонифицированным и выносилось по факту преступления, о превентивности речи не шло.

Наиболее последовательными критиками насильственных наказаний выступали буддисты. Основу буддистского восприятия социальных отношений составляет религиозная этика, часто расходившаяся в оценках с нормами государственного законодательства. Одна из основных идей буддизма состоит в том, что зло нельзя исправить с помощью другого зла, проявлением которого является насилие. Поэтому смертная казнь бессмысленна и вредна, поскольку не исправляет, а усугубляет общественные пороки и отдаляет от истинной цели государства — построения социальной гармонии. Более того, такие наказания — проявление слабости. В одной из буддистских притч рассказывается о беседе Будды с убийцей. Будда сказал: «Перед тем, как ты убьешь меня, сделай одну вещь. Срежь ветку этого дерева.

Ангулимал ударил мечом, и упала большая ветка. Будда сказал:

— И еще одно: теперь присоедини ее обратно.

Ангулимал сказал:

— Теперь я точно знаю, что ты безумен. Я могу только отрезать ее, но я не могу присоединить обратно.

Тогда Будда сказал:

— Раз ты можешь только разрушать и не можешь созидать, ты не должен этого делать, так как разрушать могут и дети, в этом нет никакой храбрости. Эту ветвь может отрезать и ребенок, но чтобы присоединить ее, нужен Мастер. А если ты не можешь присоединить ветвь к дереву, как ты можешь отрезать человеческие головы? Думал ли ты когда-нибудь об этом?

Правильное действие нацелено на способствование нравственному, достойному и мирному поведению. Оно увещевает нас воздерживаться от разрушения жизни, от воровства, от бесчестных взаимоотношений, от незаконных половых сношений, а также помогать другим правильно вести мирную и достойную жизнь»²⁵.

В европейской традиции правовой философии взгляды на смертную казнь имели в целом иной характер, но в чем-то и совпадали с восточной точкой зрения. В частности, в них также присутствовал принцип полезности и превентивности. Одним из наиболее последовательных сторонников смертной казни в Греции был Демокрит. Один из ученых так передает его мнение: «Всех тех, которые приносят вред, нарушая справедливость, надо убивать, во что бы то ни стало, и тот, кто это делает, будет радоваться душой и в большей степени при любом государственном строе пользоваться защитой закона и обладать неустрашимостью и гордостью. Так же, как написано о зловредных зверях и пресмыкающихся, так же, по

²⁵ Валлола Рахула. Чему учил Будда. М., 1999. С. 32.

моему мнению, следует поступать и по отношению к людям: нужно в любом государстве, где закон этого не запрещает, убивать зловредного человека, согласно отеческим законам. А нельзя убивать только на территории святилищ любого государства, а также в случае договоров и клятв»²⁶.

Один из величайших философов античности Платон, признавая необходимость смертной казни, в то же время не придавал ей универсального характера. В диалоге «Законы» он пишет: «Есть только одно средство избежать тяжких, трудноисцелимых и даже вовсе неисцелимых несправедливостей со стороны других людей – это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно карать их.... В отношении же человека, не поддающегося вразумлению, безусловно, скверного и злого, надо дать волю своему гневу.... Наилучший способ мучителен совершенно так же, как бывает, когда принимают подобного рода лекарства. При этом способе правосудие влечет за собой справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства». Вместе с тем это не единственный способ обеспечения правопорядка, и в целом не самый эффективный. «...Издавая законы, можно пользоваться двумя средствами – убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством»²⁷. Лучшим средством должно стать воспитание молодежи, но смертная казнь в качестве учебника по правильному поведению, в отличие от легистов, Платоном не приветствуется. Таким образом, цель смертной казни – наказание личности преступника, избавление общества от вредных элементов. Поэтому и методы смертной казни относительно гуманны (с поправкой на время), а основания, служащие основой для вынесения таких приговоров более детализированы. Здесь и учет тяжести поступка, и наличие умысла, и невозможность воздействия на преступника иным путем. Сопутствующих задач при таком подходе смертная казнь так же почти не решает, за исключением формирования у населения осознания о неотвратимости наказания независимо от внешних обстоятельств.

Точку зрения Платона развил и переработал Аристотель. В основу своего подхода он ставит этику. При этом различные стороны этического поведения, отклонения от него детально анализируются в «Никомаховой этике». Отношение к наказанию (расплате) строится на принципе пропорциональности, которая достаточно сложно рассчитывается и не является постоянной и универсальной. Поэтому наказания смертью носят еще менее распространенный характер, чем у Платона. Цель наказания – обеспечение справедливости. Интересы государства вообще отходят на второй план. Так же не ставится вопрос о полезности в отрыве от темы справедливости. Если справедливо, то полезно, а раз полезно, то и применимо.

Таким образом, уже в древности у самых ярких представителей правовой философии вопрос о смертной казни не получал однозначного ответа. При этом наблюдается тенденция найти рациональное объяснение применению смертной казни, избавить ее от религиозной основы и тем самым изменить ее сущность. Делалось это разными мыслителями в разных

²⁶ Демокрит. Фрагменты // Антология мировой философии. М., 2004. С. 1003–1004.

²⁷ Платон. Диалоги. М., 1986. С. 190–208.

целях, одни ратовали за смягчение наказаний, за гуманность правителей, другие говорили о всеобъемлющей силе закона, установленного государством и являющемся его опорой. Как на Западе, так и на Востоке во взглядах философов-правоведов присутствовали обе точки зрения, но если западная магистральная линия развития законодательства вела к смягчению наказаний, то восточная — к их ужесточению. Во многом это предопределило пути развития реального права государств этих регионов. Вместе с тем оппозиция официально принятым идеям сохранялась везде, и это вызвало новые витки обсуждения проблем смертной казни в средневековье и в Новое время, правда, уже на других философских и религиозных основаниях.